

Селеменова Ольга Александровна

**ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ "СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ":
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА**

В данной статье автор выделяет и описывает совокупность ключевых идей (идея укрытия , идеи одушевления природы , единения природы и человека , цикличности природных изменений) того фрагмента русской языковой картины мира , который связан с репрезентацией различных состояний природы. Работа выполнена в русле разработки лингвокультурологического аспекта анализа высказываний с семантикой " состояние природы ", опирающегося на работы представителей Новомосковской школы концептуального анализа , исходящих из тезиса о формировании языковой картины мира посредством системы ключевых концептов и инвариантных тем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 161-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'367

Филологические науки

В данной статье автор выделяет и описывает совокупность ключевых идей (идея укрытия, идеи одушевления природы, единения природы и человека, цикличности природных изменений) того фрагмента русской языковой картины мира, который связан с репрезентацией различных состояний природы. Работа выполнена в русле разработки лингвокультурологического аспекта анализа высказываний с семантикой «состояние природы», опирающегося на работы представителей Новомосковской школы концептуального анализа, исходящих из тезиса о формировании языковой картины мира посредством системы ключевых концептов и инвариантных тем.

Ключевые слова и фразы: высказывание; семантика «состояние природы»; языковая картина мира; ключевая идея; архаичные воззрения славян.

Селеменова Ольга Александровна, д. филол. н., доцент
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
ol.semeneva2011@yandex.ru

**ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ»:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА[©]**

Совокупность представлений какого-либо этноса о действительности, имеющаяся у него на определенном историческом этапе развития, не существует в хаотичном состоянии, а представляет собой некую упорядоченную совокупность, зафиксированную в средствах языка и обозначенную лингвистами термином «языковая картина мира». Языковая картина мира существует в виде значений языковых знаков, образующих семантическое пространство языка [5]. Среди опосредующих когнитивную картину мира знаков можно указать морфемы, лексемы, лексемы-композиции (билексемы), фразеологизмы, афоризмы, паремии, морфологические категории и формы, свободные сочетания слов, структурные схемы простых и сложных предложений, тексты и их совокупности. Подобная множественность воплощения когнитивных структур в языке обусловливается самой онтологической природой концептуализации. Но онтология, задавая необходимость концептуализации и «набор возможностей» [7, с. 49], предлагает «выбрать» носителю языка из ряда возможностей необходимую.

Изучение русской языковой картины мира через призму синтаксических конструкций на данный момент ведется в двух основных направлениях: лингвокогнитивном и лингвокультурологическом. Лингвокогнитивное направление связано с рассмотрением не только лексики и фразеологии в качестве материала для отыскания и обоснования специфических черт национального мировосприятия, но и синтаксических единиц. Примером таких исследований могут служить работы, выполненные в русле развития теории синтаксических концептов З. Д. Поповой, рассматриваемых ученым как мыслительные категории, получившие «выражение в структурной схеме той или иной синтаксической конструкции» [4, с. 187] и лежащие в основе синтаксической системы русского языка.

Лингвокультурологический аспект анализа языковой картины мира через призму синтаксических единиц связан с исследованием их структуры и семантики в свете того, что языковая картина мира формируется системой ключевых концептов, связующих ее тем или инвариантных ключевых идей [1]. При этом совокупность представлений о мире закрепляется в значении разных слов и выражений, пользуясь которыми, человек принимает «заклоченный в них взгляд на мир» [Там же, с. 286]. Ключевыми идеями, или сквозными мотивами, выделенными А. Д. Шмелевым, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной [1; 2] для русской языковой картины мира, являются идея непредсказуемости мира; представление о том, что главное – это собраться; внимание к нюансам человеческих отношений; идея справедливости; оппозиция «высокое – низкое» и др.

Лингвокультурологический аспект изучения русской языковой картины мира для описываемого нами фрагмента экстралингвистической действительности – ситуаций «природа ↔ состояние» – можно применить, на наш взгляд, весьма успешно. В результате анализа авторской картотеки примеров, которая представляет собой совокупность высказываний со значением «состояние природы», собранных как методом сплошной выборки из художественных произведений отечественных авторов XIX-XX веков (около 8000 примеров), так и посредством информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ) (более 1000 примеров), мы выделили несколько связующих ключевых идей, которые пополняют список «сквозных мотивов» русской языковой картины мира, предлагаемый вышеназванными учеными Новомосковской школы концептуального анализа. К таким идеям относим: идею одушевления природы, целостности природы и человека, дихотомичности состояний природы, цикличности изменений состояний природы, идеи укрытия и пространственной беспредельности. Рассмотрим перечисленные идеи и их реализацию более подробно.

Наличие идеи одушевления природы в русском языке иллюстрирует значительная группа метафорических высказываний с семантикой «состояние природы», реализующих устойчивый перенос «состояние живого существа (человека) – состояние природы». Например: *Природа зевает, потягивается, переворачивается на другой бок и опять засыпает* (Пастернак. Доктор Живаго); *Все оживает: и поля, и луга, и темные рощи, и дремучие*

леса... (Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая) [3]. В приведенных и подобных высказываниях мы видим «в действии» древний антропоморфный механизм восприятия и репрезентации действительности, когда, перенося на мир природы собственные свойства, человек приписывал природным объектам возможность видеть, слышать, чувствовать, вступать в семейные отношения, пребывать в состояниях, которые подобны его собственным физиологическим или психологическим состояниям: *Природа волновалась перед приходом ночи, как зрители перед концертом в клубе* (Лимонов. У нас была Великая Эпоха); *Пришли в роуцу. Там было пусто и печально* (Панова. Серёжа) [Там же]. Идея одушевления природы позволяет вводить в состав высказываний при речевой реализации различных структурных схем предложений (например, «где есть каково», «что находится в каком состоянии», «где есть какое состояние» и других) предикатные лексемы со значением различных физиологических (*болеть, дремотно, изнеможение, истома, мертветь, обессилеть, пробудиться, пьяный, сонно, устать, цепенеть* и подобные), психо-эмоциональных состояний живых существ (*беспокойно, весел, волноваться, грустить, жутко, печален, радоваться, скучно, страшно, тягостно* и подобные). Более того, на наш взгляд, именно эта идея обуславливает использование для репрезентации типовой пропозиции «состояние природы» некоторых структурных схем, вербализующих типовую пропозицию «физиологическое и психологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)». Например, структурных схем «кто охвачен каким состоянием» → «что охвачено каким состоянием» (*Вся природа была скована сном* (Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3) [Там же]); «кому есть каково» → «чему есть каково» (*Казалось, что даже природе было скучно* (Соллогуб. Тарангас) [Там же]) и др.

С идеей одушевления природы неразрывно связана идея целостности природы и человека. Она позволяет в качестве центральной рассматривать фигуру познающего мир Наблюдателя и выстроить целостную классификацию высказываний с семантикой «состояние природы» с учетом разницы в восприятии состояния Наблюдателем: высказывания, в которых идентификация состояния природы происходит на основе экстероцептивного ощущения (аудиальное восприятие, визуальное, осязательное, обонятельное); высказывания, в которых идентификация состояния природы происходит через антропоморфную метафору. Например, визуальное восприятие: *Темнота разливалась над безбрежной равниной* (Бунин. Кастрюк) [Там же]; осязательное восприятие: *Слегка морозит* (Некрасов. В окопах Сталинграда) [Там же]; идентификация состояния природы на основе антропоморфной метафоры: *В темном лесу спали деревья...* (Бабель. Шабос-Нахаму (из цикла «Гершеле»)) [Там же].

Идея одушевления природы также обеспечивает:

1) активное функционирование в высказываниях в качестве конститутивных элементов слов категории состояния, совмещающих в себе значения ‘состояние природы’ и ‘физиологическое состояние одушевленного субъекта (живого существа)’ и реализующих их в зависимости от контекста. Ср.: *Доктор и следователь сели в сани, и белый кучер перегнулся к ним, чтобы застегнуть полость. Обоим было жарко* (Чехов. По делам службы). – *Два времени года, и то это так говорится, а в самом деле ни одного: зимой жарко, а летом знойно...* (Гончаров. Фрегат «Паллада») [Там же];

2) функционирование высказываний, реализующих явление синестемии: *...Стало быстро и как-то неверно, тревожно темнеть от надвигающихся с востока туч...* (Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность); *И все же нет смысла так больше сидеть, чрезмерно грустно смеркается на просторах, да и не интересно, и нога затекла, не сиди так, оцепенел ты, что ли?* (Садур. Немец) [Там же];

3) наличие высказываний, фиксирующих метафорический перенос состояний природы на состояния человека. Ср.: *Под еловыми лапами было прохладно, сумрачно...* (Шим. Снег и кисличка). – *Сумрачно было и на душе у князя* (Иванов. Сердце Пармы) [Там же].

Идея цикличности изменений состояний природы позволяет высказываниям с семантикой «состояние природы» указывать на возможность регулярного повторения состояния природы в тот или иной временной период. В таких высказываниях Наблюдатель диагностирует состояние на основе имеющихся в памяти знаний, приобретенного опыта. В структуру высказываний вводятся детерминанты с итеративным значением типа *зимой, весной, летом, перед закатом* и другие [8]. Например: *Летом даже в полдне в лесу тихо, сумеречно, прохладно* (Шолохов. Тихий Дон. Книга четвёртая); *Зорями холодеет крепко* (Шмелев. Солнце мертвых) [3].

Эта идея реализуется и в группе метафорических высказываний. Так, в осенне-зимний период природа спокойно спит, а весной пробуждается, оживает: *Низкорослый лес на обрывах и скалах был редок, дремал и скупо ронял мелкие желтые листья* (Бунин. Маленький роман). – *Река текла широко. Пробуждается природа, – говорила поэтически Софи, и дамы соглашались* (Добычин. Город Эн) [Там же]. Такая цикличность состояний природы отражает еще мифологическое восприятие времени, когда его символом был круг, наделенный магическими свойствами [9]. Вращение этого круга и олицетворяло движение природы в целом. Мистерия смены годового цикла, слияния тепла и холода, света и тьмы нашла воплощение у славян в празднике Коляды [6, с. 83].

Идея дихотомичности состояний природы проявляется в активном функционировании высказываний, репрезентирующих состояния, противопоставленные друг другу, находящиеся на разных «полюсах»: *светло – темно, бело – черно, холодно – тепло, тишина – наполненность звуками* и подобные. Например: *Когда я проснулся, на дворе уж было темно* (Лермонтов. Герой нашего времени); *В училищном саду все было светло, но печально, как на кладбище* (Н. Лесков. Житие одной бабы) [3]. Идея такой «полнотности» состояний природы, видимо, уходит своими корнями в глубокую древность. Ведь славяне представляли весь окружающий мир в двоичных системах: света и тьмы, левого и правого, верха и низа, дня и ночи, мужского и женского, холода и тепла, воды и суши, востока и запада, внутреннего и внешнего, своего и чужого и т.п. [6; 10].

Идея пространственной беспредельности и идея укрытия функционируют в ограниченных группах высказываний: первая – в высказываниях, репрезентирующих состояние природы, проявляемое наполнением природного объекта или метеорологического пространства; вторая – в группе антропоморфных, «морально-оценочных» состояний природы.

Идея пространственной беспредельности связана с состоянием *просторно* и характеризуется лингвистами как «один из структурообразующих элементов русской культуры» [2, с. 338]. Носителем состояния *просторно* в русской языковой картине мира выступает земное, небесное и воздушное природное пространство: ***В небесах было просторно, прощальные голоса перелетных птиц еще не оглашали небеса, лишь воронье волнами накатывало на поля*** (Астафьев. Обертон); ***Солнечные лучи пробивались сверху, в лесу было просторно и тихо*** (Владимиров. Остров Пуа-гу-тахи) [3].

В русской языковой картине мира состояние *просторно* связано с открытостью, незамкнутостью границ, огромностью пространства и коррелирует с состояниями *свободы, воли, покоя*: ***Вольно кругом, просторно... Степь*** (Шукшин. Из детских лет Ивана Попова); ***Было широко и просторно. Еще зеленая трава тянулась во все стороны бесконечным гладким полем и тонула в далеких утренних туманах*** (Арцыбашев. Санин) [Там же]. Такая взаимосвязь ощущения шири и неохватности окружающего пространства с состоянием свободы находило себе место еще в древнерусском сознании. Этот факт отмечается культурологами при исследовании становления нравственной культуры личности в Древней Руси [6].

Идея укрытия реализуется в группе высказываний, номинирующих состояние уюта в природе. Вообще уют в русской языковой картине мира связан с небольшим по размеру помещением, противопоставленным опасному внешнему миру и защищающим человека от природных стихий [1, с. 39-40]. Как показывает наша картотека примеров, состояние *уютно* может быть свойственно и природному пространству, природному объекту, способному выступать как укрытие. Так, носителем состояния при предикативе *уютно* выступают лексемы особой семантики: те, что называют место, поросшее деревьями с сомкнутыми кронами, образующими как раз некое убежище, дарующее защиту от ветра, палящего солнца и т.п. (типа *лес, роща, кедровник, ельник* и др.) (***Ветвистые макушки деревьев закрывали небо, и в кедровнике всегда было сумеречно и потаежному уютно*** (Марков. Строговы. Кн. 2) [3]); те, что называют некие полые места или расселины в горных массивах, имеющие выход наружу, но все равно образующие некое подобие «зон» противопоставленной всему остальному природному пространству (типа *пещера, ущелье*) (***В пещере было тепло и почти уютно*** (Мелентьев. 33 Марта. 2005 год) [Там же]).

Полагаем, что идея укрытия (как и идеи одушевления природы, единения природы и человека, цикличности природных изменений) «приходит» из глубины веков – из времени существования у славян различных природных культов, обожествляющих различные природные объекты. Здесь уместно вспомнить фольклорные тексты, в которых именно деревья (береза, рябина и т.д.) обычно укрывают, прячут героев во время погони за ними злых сил.

Все перечисленные идеи, входящие в русскую языковую картину мира в неявном виде, передаются из поколения в поколение и обуславливают стереотипность многих высказываний с семантикой «состояние природы». На наш взгляд, выделение этих идей актуально. Таким образом можно доказать существование именно «картины мира» в сознании человека, упорядоченности когнитивной картины мира. К тому же, анализ семантики синтаксических единиц позволяет широко привлекать данные таких отраслей знания, как этимология, фольклористика, культурология, психология, что способствует реализации одного из базовых принципов современной антропоцентрической парадигмы языкознания – принципа экспансионизма.

Список литературы

1. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
2. Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 338-347.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.09.2011).
4. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009. 210 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд-е 3-е, стереотип. Воронеж: ВГУ, 2003. 191 с.
6. Ржепянская И. В. Русское народное творчество в становлении нравственной культуры Древней Руси. М.: КРАСАНД, 2010. 200 с.
7. Рузин И. Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 39-50.
8. Селеменова О. А. Репрезентация свернутых пропозиций в высказываниях со значением «состояние природы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 173-176.
9. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. Изд-е 2-е. М.: Книжничина дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.
10. Шестеркина Н. В. Дихотомия день – ночь как репрезентанты темпорального признака концепта «свет – тьма» (на материале русского и немецкого языков) // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике. Новое в когнитивной лингвистике: мат-лы I Междунар. научной конф. (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. С. 590-596.

**STATEMENTS WITH THE SEMANTICS “STATE OF NATURE”:
LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF THE ANALYSIS**

Selemeneva Ol'ga Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Yelets State University named after I.A. Bunin
ol.selemeneva2011@yandex.ru

The author identifies and describes the integrity of key ideas (idea of shelter, idea of animation of nature, unity of nature and a human being, cyclicity of natural changes) of such fragment of the Russian linguistic picture of the world which is associated with the representation of different states of nature. The paper aims to develop the linguoculturological aspect of the analysis of the statements with the semantics “state of nature” based on the works of the representatives of the Novomoskovskaya school of conceptual analysis who rely on the thesis about the formation of the linguistic picture of the world by the system of key concepts and invariant themes.

Key words and phrases: statement; semantics “state of nature”; linguistic picture of the world; key idea; archaic views of the Slavs.

УДК 81'23

Филологические науки

В статье городской текст рассматривается в парадигме гипертекстуальности и трактуется как нелинейная структура, интегрирующая множество текстов-перифраз о городе. В фокусе внимания – категория цельности гипертекста города, которая выявляется в психолингвистическом эксперименте по субъективному дефинированию астионимов – имён городов, формирующих вербальный фрагмент гипертекста города. Экспериментальное исследование показало, что индивидуальное структурирование цельности фрагмента гипертекста города проявляется в избрании реципиентом общей когнитивной стратегии в процессе осмысления и дефинирования разных слов-стимулов.

Ключевые слова и фразы: гипертекст города; цельность; связность; дисперсность текста; тема-рематическое структурирование цельности; астионим; субцельность.

Симоненко Марина Александровна, к. филол. н.
Астраханский инженерно-строительный институт
MASimonenko@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЬНОСТИ ГИПЕРТЕКСТА ГОРОДА[©]

Текст как объект междисциплинарных исследований рассматривается сегодня в парадигме сверх- и гипертекстуальности [1; 3; 4; 6; 9-12]. Сложности с определением понятия «городской текст» связаны с проблемой фиксации границ объекта исследования: очевидно, что городской текст неоднороден в силу неоднородности, расщеплённости его референта – вербальные и архитектурные тексты интегрируются и формируют сложноустроенную поликодовую незамкнутую текстуальную структуру.

Городской текст в нашем понимании децентричен, в нём невозможно выделить ядро и периферию, он характеризуется нелинейностью прочтения, фрагментарностью, открытостью, интерактивностью, мультимедийностью, то есть проявляет все свойства гипертекста. Следует уточнить, что форма гипертекста (это может быть электронный или иной формат) для нас вторична по отношению к его системным характеристикам. Гипертекст города как продукт интерпретации пространственных текстов архитектуры представляет собой многомерную динамическую структуру, включающую неограниченное множество автономных словесных текстов о городе, объединённых в семантическую сеть узлами связей в виде эксплицитно или имплицитно выраженных гиперссылок [8]. В связи с незавершённой и дискретностью такой структуры встаёт вопрос о возможности приложения категории цельности к гипертексту города.

Самые значимые текстовые категории – связность (когезия) и цельность (когерентность) – приобретают дополнительные смыслы, когда речь идёт о гипертексте. Связность в гипертексте проявляется в его поверхностной структуре и обеспечивается разными средствами – это могут быть гиперссылки в электронном документе либо вербальные средства связи – цитаты, аллюзии, прецедентные феномены, разные типы повторов. Цельность свойственна глубинной структуре текста, она отражает его внутреннюю смысловую организацию: «цельность не обязательно эксплицируется в языковых категориях, но всегда осознаётся при восприятии текста», «тот текст целостен, который воспринимается как осмысленное целесообразное единство» [2, с. 19]. В силу нелинейности гипертекста цельность такой структуры формируется особым образом.

В процессе актуального восприятия гипертекста нелинейность текста коррелирует с нелинейностью механизмов восприятия, что обуславливает специфику понимания и интерпретации гипертекста. Поскольку гипертекст рассредоточен в пространстве, основой его смысловой цельности может служить категория семантической иерархии, которая реализуется через систему связей, упорядочивающих сюжетно-тематический поток гипертекста [6, с. 75]. Ориентирование в текстовых массивах, сведение множества значений воедино и, как следствие, формирование цельности сюжетно-тематического потока гипертекста всегда осуществляет читатель-интерпретатор, всякий раз опираясь на индивидуальный когнитивный, перцептивный и аффективный опыт.